

Музыка и судьба

Zita ROSENTHAL Memoirs about Maria Daylis

This article is devoted to personal and creative destiny of Felix Blumenfeld's pupil, pianist and teacher Maria Daylis. In the article based on published here for the first time memoirs by Daylis' schoolgirl Zita Rosenthal, much attention is paid to history of formation of the Moldavian piano performance school in the 20th century.

Keywords: Maria Daylis, music and culture of Moldova, piano, musical pedagogics, The Rimsky-Korsakov St. Petersburg State Conservatory.

Цита РОЗЕНТАЛЬ Воспоминания о Марии Львовне Дайлис

Статья посвящена личной и творческой судьбе воспитанницы Феликса Блуменфельда — Марии Дайлис. Материалом для статьи послужили впервые публикуемые воспоминания ее ученицы Циты Розенталь. Большое внимание уделяется истории становления молдавской фортепианной школы в XX веке.

Ключевые слова: М.Л. Дайлис, музыка и культура Молдовы, фортепиано, музыкальная педагогика, Санкт-Петербургская консерватория.

В истории русской пианистической школы большое значение имеет преемственность наследия, создание новых педагогических решений с опорой на устоявшиеся традиции. Санкт-Петербургской консерватории принадлежит в этом процессе существенная роль, и примеров тому множество. Так, юбиляр этого года Феликс Михайлович Блуменфельд (1863–1931) сумел, реализуя характерные художественные принципы российского исполнительства — высокий уровень техники в сочетании с развитием артистической индивидуальности, сформировать собственный стиль, отличающийся певучим звуком и особым вниманием к тончайшим деталям нюансировки. Будучи прекрасным музыкантом, Блуменфельд, с момента окончания консерватории¹ (1885) и до конца жизни, уделял большое внимание педагогической работе. Работая в Петербургской (в 1885–1905 и 1911–18 гг.), затем в Киевской (1918–22) и Московской консерватории (1922–31), он воспитал целую плеяду мастеров: В. Горовица, М. Гринберг, А. Дубян-

ского, А. Цфасмана, С. Барера, А. Гаука, Я. Раухвергера, В. Белова и многих других.

Среди учеников Блуменфельда были и те, чьи имена сейчас почти неизвестны широкой публике, но их заслуги в организации музыкальной жизни российской провинции весьма велики. К таковым принадлежит прекрасная пианистка и педагог, уроженка Кишинева, Мария Львовна Дайлис (1892–1985). Получив блестящее музыкальное образование сначала у Р. Тайхмюллера² в Лейпциге (1912–14), в Петербурге у Блуменфельда (1916–18) и у И. Гофмана³ в Вене (1920–21), она много концертировала по Европе: играла клавирабенды и камерные программы, выступала как солистка с оркестром, аккомпанировала. С 1927 года, вернувшись на родину, Дайлис начала работать с юными музыкантами⁴. Ее вклад в становление и развитие молдавской пианистической школы трудно переоценить.

Сегодня невозможно представить себе историю Специальной музыкальной школы при Кишиневской консервато-

¹ Ученик Ф. Штейна по фортепиано и Н. Римского-Корсакова в классе композиции.

² Роберт Тайхмюллер (*Robert Teichmuller*, 1863–1939) — немецкий пианист, педагог, ученик К. Рейнеке, профессор Лейпцигской консерватории (с 1908).

³ Йосиф Гофман (*Josef Hofmann*, 1876–1957) — американский пианист и композитор польского происхождения, единственный ученик А. Рубинштейна.

⁴ В 1927–40 гг. Дайлис работала в частной консерватории «Униря» («Unirea»); с 1940 по 1959 г. — в школе-десятилетке при консерватории. В период 1943–44 гг. находилась в эвакуации в Алма-Ате, где работала в музыкальном училище.

рии без класса Марии Львовны. Ее ученики — Ц. и М. Розенталь, А. Ткач, В. Гуревич, И. Зельцер, Б. Загородный, Т. Музыка, — все как один тепло вспоминают о своем педагоге, подчеркивая ее огромную роль в становлении личности каждого из них.

Большая личная и творческая дружба связывала Дайлис с ее ученицей, известной пианисткой Цитой Розенталь⁵, которая оставила о ней воспоминания. В мемуарах воссоздается творческий портрет Марии Львовны, освещаются многие аспекты ее педагогической деятельности, раскрывается историко-культурный контекст музыкальной жизни Кишинева в 1940–50-е годы.

Оригинал документа хранится в Национальном музее истории Молдовы⁶, куда был передан автором воспоминаний в 1994 году, перед отъездом в Германию.

Издаются впервые, с сокращениями.

Подготовлено
В.И. Стояновой

Я родилась счастливой. Присутствие в моей жизни вдохновенного музыканта, умного и чуткого педагога, неповторимого человека, чья любовь и забота помогли мне сравнительно легко преодолеть те невзгоды и испытания, которые выпали на долю всего нашего поколения и на мою, в частности, сыграли свою роль. Не будь Марии Львовны Дайлис, вероятно, вырос бы из меня другой человек.

Мария Львовна была большим другом всей нашей семьи⁷. С моей матерью [она] познакомилась в Бухарестской консерватории⁸, задолго до моего рождения, и с тех пор их связывала прочная человеческая и творческая дружба. Я часто задавала себе вопрос: что же является определяющим в характере любимой учительницы, но не находила ответа. Лишь недавно поняла — интеллигентность, та особая интеллигентность, которая была присуща всем членам этой замечательной семьи и уходила своими корнями в ее прошлое⁹.

Необыкновенные вечера, когда верхний свет в гостиной не горел, электрические канделябры на пианино освещали лица Марии Львовны и мамы. Мягкие, проникающие в душу звуки фортепиано сливались с чудно звучащим маминым голосом, и это доставляло мне такое наслаждение, что было страшно пошевелиться, чтобы не отогнать очарования. Взобравшись с ногами на кресло, я застыла, боясь, что такое когда-нибудь кончится.

Впоследствии я узнала, что в этот период Мария Львовна очень много выступала с концертами и как солистка, но еще охотнее как необыкновенный партнер в камерных ансамблях¹⁰. Должно быть, и с мамой они готовились к очередным выступлениям.

По-видимому, обе обратили внимание на мое отношение к музыке — не успело еще исполниться и пяти лет, как мама отвела меня учиться музыке. С этой минуты выбор специальности передо мной не стоял: без музыки не могло быть для меня жизни.

Хорошо помню темный класс курсов¹¹, где в ту пору работала Мария Львовна. Окна класса выходили в коридор, все помещение освещалось лампой с железной тарелкой, но Мария Львовна обладала свойством придавать всему окружающему теплоту и уют. Класс показался мне очень привлекательным. Она подняла меня на стул и предложила взглянуть на внутреннее устройство старого коричневого рояля. Множество струн и молоточков, которые отвечали разными голосами, сразу вызвали у меня восторг, и превосходство рояля по сравнению со всеми другими инструментами с этой минуты не оставляло никаких сомнений. Это был мир сказки, моей детской мечты...

Так начались мои занятия музыкой.

⁵ Цита Залмановна Розенталь, в замужестве Гольдгалер (р. 1933) — пианистка, выпускница (1955) и педагог Кишиневской консерватории, первая исполнительница многих произведений молдавских композиторов. Была рекомендована для обучения в Москве, однако по доносу лишилась этого права. Брала уроки у Г.Г. Нейгауза, М.В. Гринберг, Т. Гутмана. С 1994 г. проживает в г. Аахен (Германия), где ведет концертную деятельность.

⁶ АРХИВ НМИМ: FA-10359-24.

⁷ Отец — Залман Розенталь (1889–1959) — бессарабский еврейский писатель, фольклорист, журналист; мать — Берта Розенталь, в дев. Фукс (1902–1957) — оперная певица, выпускница Бухарестской Академии музыки, стажировалась в Венской опере.

⁸ Мария Дайлис работала в то время концертмейстером в Бухарестской опере.

⁹ Дайлис происходила из семьи адвоката, бессарабского общественного деятеля Леона Марковича и дочери книготорговца Розалии Александровны Дайлисов. В семье было восемь детей, каждый из которых получил блестящее университетское образование в области медицины, искусства, инженерного дела, режиссуры.

¹⁰ Партнерами Дайлис в разное время были скрипачи И. Дайлис, О. Дайн, М. Пестер, пианисты Ю. Гуз, К. Романов, К. Файнштейн, дирижеры Т. Рогальский, Э. Мадзини.

¹¹ В 1938 году Дайлис работала в Частной консерватории Униря. При ней существовали курсы для детей и всех желающих освоить игру на инструменте.

Поначалу маме нелегко бывало усадить меня за приготовление домашних занятий. Весь двор звенел детскими голосами, светило солнце, а мне предстояло учить ноты, делать упражнения, читать с листа. Но, странное дело, — стоило прийти на урок к Марии Львовне, сомнения в целесообразности занятий не возникали. Становилось радостно, интересно, поскорее хотелось сыграть прекрасно исполненную учительницей пьесу.

К концу года я сделала заметные успехи. Руки легко и привычно двигались по клавишам, я уже умела себя слушать и получать удовольствие от выученной пьесы.

Мария Львовна не упускала ни одной возможности выпускать учеников в открытом концерте. И хотя мне было пять с половиной лет, хорошо помню тот концерт, который был организован ею у себя дома по улице Михайловской, ныне Комсомольской¹², где в ту пору проживала Мария Львовна.

Комната, где был организован концерт, залита лучами заходящего солнца и вся буквально утопала в цветах. Цветы были в корзинах и больших вазах. Красиво одетые дети, оживленные лица родителей. Никого не покидало ощущение праздника. Умело и со вкусом подобранная программа встречалась зрителями искренними аплодисментами. Все выступили удачно и «страшно болели» друг за друга. Словом, это был дружный коллектив. После концерта в другой комнате всех ждал буфет, состоящий из множества бутербродов, конфет, сладостей, фруктов и напитков. Что-то вроде шведского стола — заетя Марии Львовны. Нашему восторгу не было конца. Никто не спешил уходить.

Через много лет мы вспоминали этот праздник.

В 1940 г. в Молдавии установилась Советская власть¹³, была организована центральная детская музыкальная школа-десятилетка во главе с интересным человеком, энтузиастом своего дела Низгурецким¹⁴. Туда немедленно была приглашена на работу Мария Львовна, которая восторженно приняла и все перемены, и приглашение работать в новой школе.

Стал вопрос — что делать мне? В школу принимали детей в возрасте 8 лет, мне исполнилось 6. Но Мария Львовна хотела, чтобы я училась в школе, утверждая, что моя подготовка соответствует второму классу.

Помню, как она привела меня на экзамен: за большим столом, покрытым зеленым сукном, сидело очень много учителей. Сначала мне задавали вопросы, а потом попросили исполнить программу. Не знаю, что сыграло свою роль, только в школу меня зачислили.

А между тем в нашу семью пришло горе¹⁵. Посере-ло и осунулось лицо мамы, не было больше слышно ее голоса и смеха. К нам в дом никто не приходил. Мария Львовна бывала ежедневно и помогала, чем могла. Вскоре мама с младшей сестрой уехала из Кишинева, и зиму 1940–1941 гг. я провела в доме Марии Львовны. Она следила за приготовлением общеобразовательных уроков, проверяла, съедаю ли я завтрак в школе и серьезно [ли я] занималась музыкой. Ее на все хватало. Мы посещали детские спектакли, зоопарк, кино, часто гуляли. Перед Новым Годом я заболела и не смогла участвовать в праздничном утреннике. Она нарядила маленькую елочку, часто садилась возле меня и старалась развлечь и развеселить, еще старалась, чтобы я не отставала от школы.

За год я хорошо успела, и в конце года была, в числе лучших учеников, отобрана для участия в отчетном концерте и по радио. Также, в числе других учеников, должна была поехать с концертом в школу имени Столярского¹⁶, в г. Одессу¹⁷. Хорошо помню свою программу: я исполняла Вариации на русскую тему Майкапара и «Игру в Робинзона» Барткевича. [...]

А между тем на пороге уже стояла Великая Отечественная война. Горе пришло в каждую семью, враг наступал, Кишинев усиленно бомбили¹⁸. Была объявлена эвакуация. У мамы было много родственников, но ей хотелось быть ближе к своему другу — Марии Львовне.

После тяжелых переездов с бомбежками поезда и кратковременным пребыванием в Ростовской области и в осажденном Сталинграде¹⁹ мы наконец добрались до Свердловска²⁰, где в ту пору у старшего брата²¹ находилась Мария Львовна. О музыке не могло быть речи. Мария Львовна с мужем Григорием Осиповичем Бройдо²² — горным инженером — уехала в Нижний Тагил, а мы в Свердловскую область, в глухой колхоз. Вокруг колхоза, где мы остановились, были густые леса, а в общеобразовательную школу приходилось ходить за много километров.

¹² Улица в историческом центре Кишинева, с 1990 г. — ул. Михая Эминеску.

¹³ В период с 1918 по 1940 и в 1941–44 гг. Молдавия была оккупирована Королевской Румынией.

¹⁴ Михаил Робертович Низгурецкий — скрипач, в 1944 году был директором школы-десятилетки при Кишиневской консерватории, в 1955–80-е гг. — директором музыкальной школы г. Серов Свердловской области.

¹⁵ В июле 1940 г. отец Ц. Розенталь был арестован по обвинению в сионистской деятельности, осужден и направлен в исправительно-трудовые лагеря Архангельской области сроком на 14 лет. Имущество семьи было конфисковано, жена и младшая дочь высланы из города.

¹⁶ Школа имени П. Столярского (открыта в 1933 г.) — первая в Советском Союзе специальная школа для одаренных детей, основанная педагогом, скрипачом Петром Соломоновичем Столярским (1871–1944). Среди выпускников: Д. Ойстрах, Е. Гилельс, Н. Мильштейн, М. Фихтенгольц.

¹⁷ В первые годы Советской власти кишиневские музыканты и талантливые дети направлялись в Одессу для стажировок, а педагоги учебных заведений Киева, Одессы, Харькова приезжали в Кишинев для обмена опытом. Из них в Кишиневе бывали П. Столярский, Б. Рейнгальд, М. Старкова, Н. Вилинский, В. Повзун и другие.

¹⁸ Уже в первые дни войны Кишинев был практически разрушен в результате бомбардировок немецко-румынской авиации.

¹⁹ С 1961 г. — Волгоград.

²⁰ Название города Екатеринбурга с 1924 по 1991 г.

²¹ Семен Львович Дайлис (1890–1980) — известный на Урале специалист в области проектирования электрооборудования промышленных предприятий, старший брат М.Л. Дайлис.

²² Григорий Осипович Бройдо (неизв.) — уроженец Риги, муж М.Л. Дайлис.

Я тосковала по музыке, по занятиям, по инструменту. Часами играла на столе, представляя себе, что слышу музыку.

Только в 1945 году, после окончания войны, мы вернулись в Кишинев и вновь встретились с Марией Львовной. И Мария Львовна, и ее муж приняли большое участие в нашем устройстве, и, благодаря их заботам, маме удалось устроиться на работу и наладить наш быт.

Я вернулась к своим занятиям музыкой. Очень многое было забыто. Я была уже подростком, и мне предстояло идти в шестой класс. Не одна я была в таком положении. Школа существовала. В некоторых классах было по 3–4 человека. У всех учеников были большие пробелы, которые необходимо было либо ликвидировать, либо уйти в обыкновенную школу. Работа предстояла большая.

Не могу не вспомнить о другом необыкновенном человеке, с которым судьбе было угодно меня познакомиться. Это директор музыкальной школы — Федор Васильевич Лужанский²³. Его помнит с благодарностью каждый ученик, который учился в это время в школе.

В высшей степени эрудированный и интеллигентный человек, по природе тонкий одухотворенный музыкант, он всю свою жизнь отдал ученикам. В школе царили дисциплина и творчество. Федор Васильевич был постоянным слушателем всех концертов, радовался любому проявлению одаренности, на собственные средства восстанавливал школу, обивал пороги учреждений, доставая музыкальные инструменты, был в курсе всех школьных дел и нужд учащихся.

Федор Васильевич высоко ценил педагогическое мастерство и профессиональную одаренность Марии Львовны. Он прислушивался к ее мнению и часто советовался с ней по целому ряду вопросов.

Мои занятия в этот период трудно назвать простыми занятиями. Урок никогда не ограничивался 45 минутами, а продолжался столько, сколько было необходимо. Со стороны педагога требовалось большое мастерство и такт, чтобы помочь ученику подвинуть технику, пройти достаточное количество учебного материала и развиться в отношении восприятия музыки.

За год, не имея инструмента, занимаясь каждую свободную минуту, где только было возможно, я прошла огромный материал. Часть работы дополняла устным чтением нотного текста, без инструмента, по совету Марии Львовны, что впоследствии принесло мне большую пользу.

Мною были пройдены почти все инвенции, французские, английские сюиты, партиты Баха, большое количество сонат Гайдна, Моцарта, Песен без слов Мендельсона, пьес Шумана, Листа, Чайковского, этюды Черни, Мошелеса, Мошковского. Многие выносились на кон-

церт; концерты проводились систематически 1 раз в неделю, не считая отчетных тематических конкурсов.

Гаммы, Ганон²⁴ и упражнения, которые Мария Львовна сама составляла для каждого ученика отдельно, делали свое дело: мои руки были в отличном состоянии, играть становилось легко и приятно. [...]

Еще об одной детали хочется рассказать. Уроки были рассчитаны так, чтобы успеть рассказать о содержании произведения, об эпохе, в которой жил и творил композитор, о времени создания произведения. Самым тщательным образом проверялся текст, прослушивались музыкальные фразы, упрощалась задача исполнения сложных мест, не пропускалась без внимания ни одна ремарка автора, относящаяся к исполнению, но при всем этом ученику предоставлялась большая свобода в его собственной интерпретации.

Список проходимых пьес был весьма обширен: от старинных композиторов до таких, как Альбенис, Равель, Мак-Доуэлл, Вила-Лобос. Проходились и такие мало играемые авторы, как Лешетицкий, Ребиков, Мошелес. В классе ученики играли концерты Балакирева, Рубинштейна, Аренского. Много внимания уделялось фортепианным ансамблям. Словом, это были годы интересных и очень продуктивных занятий. [...]

В 1947–48 учебном году я заболела. В жизни Молдавии это были тяжелые неурожайные годы²⁵. Люди гибли от дистрофии, особенно плохо было в деревне. Созданы были специальные комиссии по борьбе с дистрофией.

За меня Мария Львовна очень переживала. А между тем мне становилось все хуже. Я не вставала с постели. При всей своей занятости, она постоянно навещала меня, часто приводила моих товарищей. Вскоре стало ясно, что необходимо что-то предпринять, иначе мне не справиться с болезнью.

И опять помогла Мария Львовна: она нашла свою старую ученицу, которая работала подростковым врачом, и просила ее лечить меня. После больших хлопот в начале мая меня отправили в детский санаторий в Крым, где я провела 3 месяца. Прекрасный климат, отличные условия и питание сделали свое дело, и осенью, здоровая, я вернулась домой.

Следующие годы — опять работа, интересная, но гораздо более самостоятельная в отношении интерпретации произведений. Осторожно, как бы со стороны, направляя по пути правильных решений, Мария Львовна заставляла многое додумывать, самой читать, искать, глубже проникая в суть играемого.

По этому поводу могу привести такой случай. Мне было задано Рондо ля минор Моцарта²⁶. Произведение довольно крупное и несколько вязкое по форме. [...]

²³ Федор Васильевич Лужанский (неизв.) — музыкант-энтузиаст, преподаватель биологии в школе-десятилетке (с 1944 г.), руководитель духового оркестра (1930–50-е гг.).

²⁴ Шарль Ганон (1819–1900) — французский пианист, органист и педагог. Автор известного сборника «Пианист-виртуоз. 60 упражнений».

²⁵ В 1946–47 гг. произошла одна из сильнейших социальных катастроф в Молдавии — засуха последних лет наряду с политикой экспроприации продовольственных товаров привели к массовой гибели населения.

²⁶ В. А. Моцарт. Рондо а-молл KV 511.

Несмотря на серьезную работу, оно у меня не получалось, и, что хуже всего, две страницы в середине почему-то не учились наизусть. Наверное, я вышла из всех сроков, так как однажды, рассердившись, Мария Львовна решила меня наказать, включив в список выступавших в очередном концерте. До выступления оставался один день.

Каждый нормальный человек, наверное, потратил бы этот день, чтобы хотя бы выучить наизусть, но у меня такой возможности не было, так как дома я не имела инструмента, а там, где я занималась, поиграть не удалось. Расстроенная и усталая, я пришла домой и по памяти, без инструмента, как рекомендовала Мария Львовна, попыталась выучить и охватить произведение целиком. Вскоре я поняла, что это мне полностью не удастся, и решила хотя бы отдохнуть перед выступлением. По-видимому, мысль продолжала работать подсознательно.

Концерты проводились в 12 часов в воскресенье, чтобы родители и учащиеся могли эти концерты посещать. Ослушаться и не играть просто не могло прийти в голову, я слишком уважала своего педагога.

Перед концертом мной овладело совершенно непонятное спокойствие.

...И вот звучат первые ноты. Пальцы привычно двигаются по клавишам, а слух как бы со стороны контролирует их, и тут Рондо зазвучало как-то особенно светло и удивительно по-моцартовски. Я двигалась от фразы к фразе, тщательно подготавливая кульминацию. Вспоминаю чувство необыкновенного удобства и полного слияния с музыкой. Опомилась я лишь в конце, когда осталось сыграть два последних аккорда — невыученные страницы прошли сами собой. Несколько секунд стояла тишина, затем раздались аплодисменты, я поняла, что выступила удачно. После концерта Федор Васильевич меня поцеловал. Это было высшей наградой для меня.

И тогда я поняла, как хорошо знает Мария Львовна своих учеников, каким особым чувством она была наделена, зная, что можно меня выпустить в открытом концерте.

В 1950 году я с отличием окончила музыкальную школу и без экзамена была зачислена в консерваторию в класс А.Л. Соковнина²⁷. Работа в школе принесла свои плоды: учиться мне было легко и интересно. Но, занимаясь с прекрасным педагогом Александром Львовичем, я постоянно посещала любимую учительницу и друга. Она следила за моими успехами, выступлениями, радовалась каждой удаче, ее мнение оставалось для меня законом.

Годы учебы в консерватории были радостными. Мне многое удавалось. Как правило, побеждала на вузовских конкурсах, занимая 1-е и 2-е места, участвовала

во Всесоюзном, где была удостоена диплома. Стала лауреатом республиканского конкурса²⁸. Помогала хорошая техническая база и все, чего так упорно добивалась Мария Львовна: привычка мыслить, искать, стараясь приблизиться к авторскому замыслу, не жалея на это ни времени, ни сил.

Дома у меня уже был инструмент, и я могла наслаждаться работой, но перед каждым выступлением обязательно приходила заранее к Марии Львовне, чтобы она успела послушать и со стороны что-то подсказать. И, если поначалу ее замечания иногда удивляли, то при анализе я не могла не согласиться с тем, как точно и верно она все слышит и оценивает. Пользу, приносимую Марией Львовной при подобных прослушиваниях, переоценить невозможно.

В 1955 году я с отличием окончила консерваторию, и тут началась моя самостоятельная работа. Многое мне пришлось пережить. В консерватории я была защищена от несправедливостей и всевозможных неприятностей. Вступив в самостоятельную жизнь, я немедленно столкнулась с наглым обманом, невежеством и несправедливостью²⁹.

Но на свете был маленький домик с зеленой калиткой, куда можно было пройти со стороны Садовой улицы. Посещая его, я попадала в иной мир, мир добра, высоких идеалов и нравственности, в мир настоящей музыки.

Все неприятности отступали тут же перед лицом того необыкновенного, что встречало меня в доме Марии Львовны. Это был настоящий «приют духа». Я приходила помочь, навестить, но от посещений получала больше, нежели могла дать ей сама.

Годы шли, не все состоялось в моей жизни, как нам мечталось, но победило главное — я стала музыкантом. Работа и выступления приносили удовлетворение, радость, приходил опыт. А когда становилось очень плохо, я знала, что на свете есть человек, который придет на помощь советом, умением, добрым словом, найдет оригинальное решение, найдет интересную программу, порадует даже маленькой удаче.

Между тем все ближе подкрадывалась старость, здоровье Марии Львовны подтачивалось недугами. Она страдала от сильной боли в ноге, но никогда не жаловалась. Всегда подтянутая, в белом накрахмаленном воротничке, она встречала меня знакомой улыбкой прекрасных серых глаз. К ней тянулись люди — не всегда бескорыстно, потому что занималась она великолепно, а денег за уроки не брала. Дети ловили каждое ее слово, и не было случая, чтобы подготовленный ею ученик не попал в то учебное заведение, куда поступал, начиная от школы и кончая консерваторией.

²⁷ Александр Львович Соковнин (1912–1993) — молдавский пианист, педагог, ученик П. Серебрякова по Ленинградскому муз. училищу (1929–32) и Л. Николаева в консерватории (1932–37). С 1948 по 1993 г. работал в Кишиневской консерватории; заведующий фортепианной кафедрой.

²⁸ Ц. Розенталь в 1951–53 гг. приняла участие во внутривузовском конкурсе пианистов, завоевав 1-е и 2-е места; в 1954 г. участвовала во Всесоюзном отборе на конкурс им. Шопена, удостоившись диплома. В 1964 г. стала лауреатом Первого республиканского конкурса пианистов.

²⁹ По всей видимости, автор имеет в виду пристальное «внимание» к себе как к дочери «врага народа», из-за чего лишилась права учебы в Московской консерватории и возможности работы в московской музыкальной школе. Тогда, в результате анонимного доноса, она была выслана из Москвы и отправлена на работу в двухклассную музыкальную школу г. Кагул юга Молдавии.

Она сама ежедневно занималась не менее 4–5 часов, из которых 2 часа посвящала этюдам и гаммам, а вечером, когда кончались уроки, садилась за инструмент и играла так хорошо, что невозможно было спокойно ее слушать. Слушая ее, я всякий раз ловила себя на мысли, что мне бы очень хотелось сделать для нее что-то большое, доброе, однако не успела сделать и половины задуманного...

Воспоминания, написанные Цитой Розенталь, очень трогательны, эмоциональны, передают восхищение автора личностью педагога. В недавнем телефонном разговоре (27 сентября 2013 г.) г-жа Розенталь подчеркнула: «Всем, что имею сегодня, я обязана Марии Львовне. Возможно, меня бы уже не было в живых, если бы не она...»

Однако мемуары содержат и ценные наблюдения о педагогическом методе Марии Львовны Дайлис, а также информацию о студенческих годах педагога и времени работы в послевоенном Кишиневе. Записаны они на отдельных листках, хранящихся в фондах Национального музея истории Молдовы³⁰, и публикуются с любезного разрешения автора материалов.

[...] Первый год занятий, 1944–45, был годом организационным. Шла война, Кишинев только освободили³¹. Не было света, тепла, столов, стульев, бумаги, а тем более инструментов. В Кишинев вернулись всего несколько педагогов, и, благодаря энтузиазму и неугасаемой энергии нашего горячо любимого эрудита Ф.В. Лужанского, начала организовываться музыкальная школа. Это было далеко уже за [началом] II-й четверти, то есть после Нового, 1945 года. Начали собираться все желающие заниматься музыкой. Так прошли оставшиеся 3–4 месяца учебного 1944–45 года.

[...] Большим счастьем оказалось попасть к Марии Львовне, ибо в таких сложных условиях (бытовых и учебных) она нам всем была настоящей заботливой, преданной матерью. Надо было обладать неисчерпаемым зарядом любви к детям, терпением, выдержкой, высоким профессионализмом, чтобы взяться строить высокое здание на пустом месте, совершенно без фундамента. Многим из нас тогда впервые поставили руки на пианино, впервые показали ноты на нотном стане. [...]

И вот, разделяя терпеливо с нами все сложности и трудности, сознавая необыкновенные условия нашей детской жизни и труда, Мария Львовна умела разбавлять это теплом своей души [...], материнской близостью. Она никогда ни на кого не кричала, ни в коем случае ни оскорбляла, не упрекала в бездарности. Ей просто не позволяло воспитание. Это был необыкновенный ин-

теллигентный человек, тактичная, очень душевная. Она как то по-особому любила своих учеников, хотя своих детей не имела. Ее, поистине, мы все можем назвать многодетной матерью и матерью-героиней, ибо она никогда никого не бросала посреди курса учебы, как это теперь очень часто бывает под предлогом «профнепригодности». Наоборот — наиболее слабым она уделяла еще больше внимания и всех героически (я повторяю — в те времена) довела до берега, многим дала дальнейшую жизнь в искусстве, на этом тяжелом, но благородном поприще. Ведь она была не только педагогом, но и воспитателем.

Теперь, уже выйдя на пенсию, я могу признаться, что ее пример был для меня заветом, руководством в моей педагогической деятельности. Занимались мы у нее дома, ибо классов иногда не было и большинство педагогов, кому позволяли домашние условия, занимались у себя. Очень часто получалось так, что нам приходилось ждать друг друга, ибо мы не занимались ровно 45 минут, как теперь [занимаются], а столько, сколько потребуется для того, чтоб ребенок что-то усвоил, что-то осилил и имел бы с чем уйти домой — с определенным успехом, пусть маленькой, но все-таки Победой. Благодаря этому появлялся какой-то стимул, желание, интерес к домашней работе, нетерпение, рвение к новым победам.

И вот тогда Мария Львовна нам часто рассказывала очень много интересного из своей жизни, о своей семье. С большой любовью и уважением говорила о своих родителях, об их воспитании и отношении к своим детям. Какая была в доме дисциплина, как много им уделяли внимания и в отношении к учебе, и в вопросах этики поведения и эстетики в целом. Мы все, ученики, знали хорошо всю семью Марии Львовны — они действительно стали очень интересными, высококультурными и образованными людьми³². Они нас всех знали детьми маленькими и до конца дней своих встречали и относились, как с близкими, родными, неизменно проявляя искренний интерес уже к нам — взрослым, нашим детям и даже внукам.

Мария Львовна всегда нам рассказывала о своих педагогах, о жизни и занятиях в Лейпциге, о том, как трактовали и исполняли Баха. [Ученики] обязаны были по воскресным дням посещать костелы, соборы, куда приезжали знаменитые мастера и исполняли произведения полифонистов, в том числе и Баха (не только Иоганна Себастьяна³³). Они не просто слушали, а сидели с партитурами и карандашом. Потом, указывая какое-нибудь определенное место, Мария Львовна очень часто любила открывать книгу «Великие пианисты»³⁴, которая

³⁰ АРХИВ НМИМ: FA–10404-10.

³¹ Кишинев был освобожден от гитлеровцев 23 августа 1944 г. в результате Ясско-Кишиневской операции.

³² В семье, кроме Марии Дайлис, было 7 детей. Старший, Исаак, стал врачом, профессором Одесского медицинского института; Семен, окончив электротехнический институт во Франции, стал крупным специалистом-инженером на Урале; Иосиф — скрипач-виртуоз, профессор Бухарестской и Кишиневской консерваторий; Марк — журналист, репрессированный в 1937 г.; Берта — врач-стоматолог; Даниил — получил юридическую специальность, однако, жизнь свою связал с театром, литературой, музыкой. Младший из детей, Александр, получил образование и жил во Франции, будучи крупным специалистом в области пушного дела.

³³ В учебном репертуаре широко использовались клавирные сочинения сыновей И.С. Баха — Вильгельма Фридемана (1710–1784) и Филиппа Эммануила (1714–1788).

³⁴ Книгу установить не удалось. Труд с таким названием (автор — Г. Шонберг) вышел в свет в 1963 г. и не мог использоваться Дайлис на уроках.

всегда лежала на пианино, и вычитывала к данному случаю определенные высказывания, совет, примеры. Она мгновенно находила любое место, которое ей требовалось по определенному случаю, и я всегда удивлялась, как она все помнит и тут же знает, где что найти.

Она всегда нам сама играла весь изучаемый репертуар и, конечно, выпускную программу концерта, все и всегда, аккомпанировала она нам сама. Ей, по-моему, и в голову не приходило, что это должен делать концертмейстер, как это теперь сплошь и рядом [происходит]. Мы всегда себя чувствовали спокойно и уверенно, когда она была рядом. А по-другому никогда и не было. Ведь я уже говорила, что мы все походили на маленьких цыплят, окружавших свою мать.

Наверное, многие наши современники помнят Марию Львовну, идущую медленно, не спеша, уставшую, но всегда веселую, доброжелательную, смеющуюся, с огромными букетами цветов в окружении множества своих подопечных. Так мы всегда ее провожали домой то ли после академа³⁵, то ли просто тяжелого рабочего дня. То, что мы часто скапливались невольно у нее дома в ожидании своей очереди, своих уроков, имело свою положительную сторону. Во-первых, мы были свидетелями всех занятий, знакомились с музыкальной литературой, исполнением многих произведений. Мы все знали досконально программы всех своих однокашников. Так, если это все у нас не было в пальцах, то в голове, безусловно, оставалось.

Вели мы себя тогда не так, как ведут себя сейчас ученики. Хотя посмеяться и побаловаться любили [...]. Вот такое общение нас всех очень объединяло, сближало и породнило на всю жизнь, ибо, когда мы сейчас встречаемся ([многие уже] бабушки и дедушки), то счастливы этому случаю, как родные братья, сестры. А ведь все это идет от Марии Львовны, от той печки и кушетки, где мы толпились, вытесняя друг друга, стараясь погреть руки перед занятиями...

Мария Львовна рассказывала нам о пианистических школах тех времен, ее представителях, организаторах, критериях в отношении постановки рук, звукоизвлечения, техники исполнения. Каждая эпоха, безусловно, отличается своими взглядами, убеждениями и критериями.

Я прекрасно помню и не забуду руки Марии Львовны, манеру ее исполнения и звукоизвлечения. Она очень любила Шопена, Листа и всегда с удовольствием нам играла.

Очень любила Мария Львовна пьесы П. Чайковского, причем именно те произведения, которые реже звучали на концертной эстраде. Превосходно знала музыку С. Рахманинова. Она часто рассказывала о том, как стала очевидицей встречи великого композитора со студентами Петербургской консерватории³⁶. О том, какое впечатление произвела на них игра С. Рахманинова и как после концерта они преподнесли композитору корзину белой сирени, очень растрогав его этим, — ведь за окном бушевала метель. В рахманиновских произведениях Мария Львовна умела слышать огромное количество подголосков и мелодических линий, которыми так богата его музыка, что придавало ее исполнению особую неповторимость и богатство.

Все Дайлисы играли, даже те, кто не был музыкантом³⁷. Я помню Исаака Львовича — доктора медицины из Одессы. Когда он приезжал в гости к Марии Львовне, уже в возрасте за 80 лет, он ежедневно играл, причем по нотам. У него не было какой-то одной или нескольких любимых заученных вещей. Когда я была у него как-то в Одессе, то заметила: рояль стоял открытым, и он садился и играл по нотам все подряд. Он говорил, что у него в этом уже многолетняя органическая потребность. Если бы мне показали несколько десятков рук, я бы нашла и узнала руки Марии Львовны. А ведь нельзя ничего не сказать и о глазах Марии Львовны! Я помню ее лет с 50 примерно. Она была очень интересной женщиной. У нее были блестящие, черные волнистые волосы и необыкновенные глаза: яркие, большие, вечно смеющиеся, добрые, искрящиеся. У них был необыкновенный блеск, и, казалось, чуть-чуть где-то внизу застряла слезинка... Мне всегда казалось, что это от усиленного старания сдерживать внутри себя смех. Они везде излучали добро, искренность, доброжелательность — они просто искрились! Она, кстати, очень часто, разглядывая наши детские мордашки, обращала внимание на глазки, придавала этому большое значение. У одной, она говорила, — «потухшие» глазки, у другой — «дикие», у третьей — «бархатные», у четвертой — «озорные» и так далее.

Наверное, читатель прочувствовал всю мою душевную привязанность, любовь и искреннюю признательность Марии Львовне за то, что она была именно такой, какой она была, за то, что она многим из нас дала путевку в жизнь, во многом предопределила нашу судьбу, наши жизненные взгляды и позиции, отношения к ученикам.

За все большое Вам спасибо, дорогая Мария Львовна!

³⁵ Академический концерт.

³⁶ Концерты Рахманинова в Петербурге проходили в период 1903–17 гг., особенно часто он играл в «Концертах Зилоти»; отдельно для студентов консерватории Рахманинов выступил в 1916–17 гг.

³⁷ В своей книге воспоминаний брат М. Дайлис, Иосиф Львович (1893–1984), писал: «Хочется особо отметить, что родители старались дать своим детям хорошее воспитание, приобщая всех к музыке, которую мать очень любила. И хотя из восьмерых только двое посвятили свою жизнь музыке, все остальные, получив неплохую музыкальную подготовку, хорошо владели своими инструментами» (*Дайлис И. Жизнь и музыка*. Кишинев, 1992. С. 9).